

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ ПЕТРА АВСЕНЕВА

Академическими учениками Петра Семеновича Авсенева (1810-1852) были С. Гогоцкий и П. Юркевич. Именно П.С. Авсеневу многим обязана история не только украинской, но и русской философии. Из всей многочисленной плеяды академистов Киевской религиозно-философской школы Авсенева был наиболее загадочной, более того – мистической фигурой. «Но если когда-нибудь будет написана история романтизма в Украине, – писал в 1929 г. последний профессор философии Киевской духовной академии (далее – КДА) П. Кудрявцев, – то одну из ярких страниц этой истории составит изложение философских воззрений и преподавательской деятельности киевского Шуберга – профессора Авсенева»¹.

Авсенева был одним из шести сыновей священника с. Новопокровского (название в официальных документах) или Московского поселения (название местного населения) Воронежской губернии. Один из младших братьев Авсенева – Александр – был преподавателем Воронежской духовной семинарии, в ней же обучался и П. Авсенева.

П. Авсенева закончил КДА в составе ее 6 курса (1829-1833) и по рейтингу обучения (как бы сказали сегодня) был ее 8 магистром. Будущего философа оставил при Академии вместе с другими двумя лучшими магистрами тогдашний ректор Иннокентий (И. Борисов). Среди лучших магистров был и однокурсник Петра Семеновича – И. Михневич. Последний сразу же был оставлен бакалавром на кафедре философии на место В. Карпова, который в 1833 г. был переведен на службу в СПбДА, а вот Авсеневу повезло гораздо меньше. Поскольку вакантных мест на кафедре философии в тот момент больше не оставалось, то последний был назначен бакалавром по кафедре немецкого языка. В 1835 г. Авсенева временно преподавал в Академии русскую историю, а с 1836-го окончательно переходит преподавать философию. В это время освобождается место на кафедре философии в связи с тем, что профессор Ор. Новицкий покидает Академию и начинает читать лекции в Университете Св. Владимира. Авсенева работает в Академии сначала в звании бакалавра (с 1839 г.), затем – в звании ординарного профессора (с 1845 г.). При этом он

¹ Кудрявцев П. Авсенева Петр Семенович / П. Кудрявцев // Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (НБУ). – Ф. V. – Ед.хр. 5344. – Л. 20.

читает в Академии психологию и историю новейшей философии. 1839-1844 гг. Петр Семенович был адъюнктом кафедры философии Университета Св. Владимира, где также преподавал логику, «историю души», историю новейшей философии, а в 1848-1850 гг. – был также редактором академического журнала «Воскресное чтение».

Монашество с именем Феофан Авсенева принял исключительно в силу своего внутреннего убеждения, а не ради карьеры. На тот момент Авсенева был уже экстраординарным профессором, а, как известно, принятие монашества открывало в те времена дорогу для карьерной реализации в стенах духовных учреждений. У Авсенева все вышло наоборот: принятие монашества принесло лишь множество проблем и служебных неприятностей. Во-первых, согласно своему новому служебному положению в Академии, он должен был, кроме своих любимых предметов – психологии и философии, читать и священную библиологию (науку о Святом Письме), а его здоровье к этому времени было уже серьезно подорвано чахоткой. Во-вторых, что было серьезнейшим испытанием для ученого, с 1846 по 1850 гг. Авсенева был назначен еще и инспектором Академии. Но мягкий и деликатный человек, который оставался на своем месте в студенческой аудитории и в окружении своих ученых друзей-единомышленников, на административной должности становился абсолютно беспомощным, вследствие чего не мог удовлетворять ни руководство Академии, ни ее студенчество.

Монашество, согласно свидетельствам близкого друга и биографа философа архим. Антонина (А. Капустина), Авсенева принял вследствие безответной любви². Монашество практически ничего не изменило в его жизни, поскольку и до него философ вел монашеский образ жизни. Единственными занятиями, от которых Авсенева получал истинное наслаждение, были философские беседы в кругу друзей и музыка. Философ играл на гуслях, о чем вспоминает Н. Чалый – выпускник Университета Св. Владимира, известный педагог и общественный деятель Украины второй половины XIX в. «Товарищ мой Андрей Блотницкий, – писал Чалый, – который жил на Подоле рядом с Петром Семеновичем, много мне рассказывал о домашней жизни этого труженика науки. Сам он до такой степени увлекся моральными качествами Авсенева, что принял его за образец для себя и в 20 лет стал полным аскетом. Единственным развлечением для моего приятеля, при изнурительных и почти бесполезных занятиях,

² См.: Кудрявцев П. Авсенева Петр Семенович / П. Кудрявцев // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф. V. – Ед. хр. 5344. – Лист 3.

стали гусли, на которых он разыгрывал божественные канты, следуя своему идеалу – Петру Семеновичу; от него Андрей получал и ноты духовных пьес, также нередко брал у философа музыкальные уроки. <...> Авсенева же любил музыку не столько за ее красоту, сколько за математическое и психологическое значение.

К сожалению, мой приятель был человеком малоодаренным. Изнуряющим трудом он думал заменить недостаток способностей и вогнал себя на третьем курсе в чахотку. Отец же у него был настолько скуп, что отказался хоронить сына, хотя и был владельцем трех домов на Подоле. Товарищи собрали деньги в складчину и похоронили за свой счет. В складчине принимал участие и Авсенева»³.

Высокую оценку П. Авсенева, как незаурядной личности и ученому с высокоморальными качествами, дал известный историк Университета Святого Владимира М. Владимирский-Буданов: «Относительно кафедры философии, то с 8 декабря 1838 г. она получила большое приобретение – Петра Семеновича Авсенева, профессора этой же науки в Киевской духовной академии, приглашенного преподавать в Университет в звании адъюнкта. До некоторой степени, он был полной противоположностью своему профессору (Ор. Новицкому, – Н. М.); природа отказала ему в даре слова, которым был одарен О.М. Новицкий, но предоставила не менее важное – разум глубокий и впечатляющую чистотой душу. Оба эти качества ярко отражались в лекциях по логике и моральной философии, но еще более заметными были в жизни и домашнем быту. Суровая религиозность, которая никогда не доходила до фарисейства и нетерпимости, привела его к мистицизму. В Академии и Университете до сих пор сохранилась память об этом чрезвычайно умном человеке»⁴.

Ранее упоминавшийся близкий друг и биограф П. Авсенева архим. Антонин (А. Капустин) подчеркивал, «что его добрая и чистая душа, его всегда дружелюбный, ласковый тон, сердечный голос, держали его всегда в некоторой особой связи со слушателями, влекли к нему и внимание, и сердце, особенно на лекциях по истории души. Его лекции о болезнях, сне и лунатизме, о смерти повергали весь класс в самое глубокое раздумье»⁵.

³ Чалый Н. Воспоминания / Н. Чалый // Киевская старина. – К., 1889. – № 11. – С. 279-280.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского Университета Св. Владимира / М.Ф. Владимирский-Буданов. – К.: В типографии Императорского Университета Св. Владимира, 1884. – С. 222-223.

⁵ Цит. по: Малышевский И. Историческая записка о состоянии Академии в минувшее пятидесятилетие / И. Малышевский // Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии, 28 сентября 1869 года. К.: В типографии Киево-Печерской Лавры, 1869. – С. 105.

Как вспоминали современники: «Молва о нем (Авсенева, – *Н.М.*) росла с каждым годом. Для посетителей Киева (особенно лиц духовного звания) видеть *смирненного философа* считалось почти таким же важным, как и видеть знаменитого проповедника Киевского (Иннокентия, – *Н.М.*). Между тем, его вид не представлял того, что заставлял ожидать увидеть ум его. Средний рост, несколько сторбленный стан, темное с отсветом лицо, впалые и тусклые под очками глаза, голос тихий, несколько сишный, походка медленная и несколько как бы торжественная... Весь мысль, весь углубленье – вот что был добрейший Петр Семенович»⁶.

Считаем необходимым остановиться на некоторых фактах из жизни Авсенева, о которых не забыли упомянуть даже на торжественном собрании, посвященном 50-летию Академии, когда самого Авсенева уже не было в живых. Известно, что как только П. Авсенев начал преподавать в стенах КДА психологию и историю новейшей философии, сразу же начались недоразумения. Авсенев ощущал притеснения как со стороны киевского митрополита Филарета (Я. Амфитеатрова, – *Н.М.*), так и со стороны ректора Академии Иннокентия. В данном случае снова сошлемся на историка И. Малышевского: «Придя на одну из его (Авсенева, – *Н.М.*) лекций, Иннокентий, по окончанию лекции, обратился к студентам с похвалою наставнику, советуя слушать его усердно. Но в тот же день позвал его (Авсенева, – *Н.М.*) и высказал резкое порицание лекции, добавив будто бы даже угрозу увольнения»⁷. И далее: «Известно, что экзамены по философии, производимые м. Филаретом, иногда тяжело обходились Феофану. <...> Он, однако, кротко покорялся своей судьбе, искренно уважал чистоту побуждений, вследствие которых нападали на его философию»⁸. В конце концов, Авсеневу пришлось переделать свой собственный курс философии в более христианском духе. Как писал Г. Шпет: «Эти случаи давления на научную совесть профессора оставляют тем более тягостное впечатление, что касаются именно науки и только науки. Религиозная и богословская благонадежность Авсенева была вне подозрений, как и его покорность

⁶ Цит. по: Малышевский И. Историческая записка о состоянии Академии в минувшее пятидесятилетие / И. Малышевский // Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии, 28 сентября 1869 года. К.: В типографии Киево-Печерской Лавры, 1869. – С. 106.

⁷ Малышевский И. Историческая записка о состоянии Академии в минувшее пятидесятилетие / И. Малышевский // Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии, 28 сентября 1869 года. К.: В типографии Киево-Печерской Лавры, 1869. – С. 103.

⁸ Там же. – С. 119.

следовать указаниям начальства. Да только это и давало возможность оставаться все-таки на кафедре»⁹.

Авсенева не пугало то, что казалось ужасным для официальных надзирателей благонадежности философии. Он, особенно в начале своего творческого пути, отклонялся от того общего направления, которому следовала духовная философия. Авсенева отклонялся в сторону Шеллинга, забывая о Вольфе, вследствие чего и не вписывался в эту традицию. «Теистические обязательства этой философии предопределяли ее следование образцам Якоби, Эшенмайера и т.д. С другой стороны, традиция связывала с Вольфом»¹⁰. Таким образом, Авсенева, при искренней религиозной добросовестности, оставался в области философии вольнодумцем.

Именно поэтому Авсенева, со слов его академического учителя и старшего товарища по кафедре философии прот. И. Скворцова, все время поглядывал из Академии с целью найти больше простора для своей деятельности в сфере философии. Философ два раза выставлял свою кандидатуру на кафедру философии Московского университета, но успеха не имел. «<...> Для тогдашнего всеильного попечителя Московского учебного округа графа С. Строганова, который ставил своей задачей противодействовать гегельянству и немецкой философии, кандидатура киевского попечителя немецкой философии не могла быть приемлемой, тем более что на ее стороне стоял Погодин, которого граф Строганов не выносил»¹¹.

Удивительное дело, но такой глубоко религиозный и церковный человек как П. Авсенева, не чувствовал себя уютно в станах духовного учреждения. Его благонадежность не вызывала сомнения, при этом он пытался подтвердить содержание Святого Письма с помощью тех методов, которые предлагала ему западноевропейская философия, а любознательность его ума манила его в область мистицизма, в изучение так называемой «ночной стороны души».

Как отмечал отечественный христианский философ и богослов В. Зеньковский, «<...> в Авсеневе была, по словам его слушателей, удивительная «гармония мысли и веры» – и его лекции по философии снискали ему славу далеко за пределами академии и университета»¹².

⁹ Шпет Г. Очерк развития русской философии / Г. Шпет // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 415.

¹⁰ Там же – С. 418.

¹¹ Кудрявцев П. Авсенева Петр Семенович / П. Кудрявцев // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф. V. – Ед.хр. 5344. – Лист 2.

¹² Зеньковский В. История русской философии / В. Зеньковский. – В 2-х томах. Ростов-на-Дону «Феникс», 1999. – Т.1. – С. 359.

Даже сверхкритичный, по отношению к духовно-академической философии, Г. Шпет, с несвойственной ему теплотой и симпатией писал об Авсенева, что это «<...> мыслитель ума живого, может быть, даже экзальтированного, но неподдельно религиозного чувства и искренних убеждений, не боялся, очевидно, того, что казалось страшным официальному надзору по вере. Авсенева тянуло к себе «сверхъестественное»¹³.

Таким образом, если внешне П. Авсенева следовал традиционно-православной установке, то увлечение исследованиями иррациональных состояний души придавало рассуждениям богослова достаточно серьезный оттенок мистицизма, и тем самым могло привести к возможности использования его идей для решения общих задач духовно-академической философии XIX в. – рационального обоснования религиозного сознания.

Вообще понятие «мистика» ассоциируется, как правило, с чем-то непонятным, магическим, таинственным и сверхъестественным. В богословском же понимании «мистика» – это религиозная практика, цель которой заключается в переживании непосредственного единения с Богом. Потому мистическое богопознание – это богопознание не с помощью умозрения, а с помощью аскетической, церковно-молитвенной жизни. В этом смысле православие рассматривает мистику как вершину богословия. «Богословие и мистика, – писал В. Лосский, – отнюдь не противоположаются; напротив, они поддерживают и дополняют друг друга. Первое невозможно без второй: если мистический опыт есть личностное проявление общей веры, то богословие есть общее выражение того, что может быть опытно познано каждым. <...> С другой стороны, учение Церкви не имело бы никакого воздействия на душу человека, если бы оно как-то не выражало внутреннего опыта Истины, данного в различной «мере» каждому верующему. Итак, нет христианской мистики без богословия и, что существеннее, нет богословия без мистики»¹⁴.

Вообще одним из главных проводников мистицизма в духовных школах России начала XIX века был Игнатий Аврелий Фесслер (1756-1839), приглашенный из Берлина в СПбДА М. Сперанским с целью преподавать студентам академии древнееврейский язык и экзегетику. Кстати, рекомендовал эту кандидатуру Сперанскому

¹³ Шпет Г. Очерк развития русской философии / Г. Шпет // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 414.

¹⁴ Лосский В.Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский // Мистическое богословие. К., 1991. – С. 98.

П. Лодий, который ранее слушал Фесслера во Львове. Через некоторое время также выяснилось, что Фесслер, кроме блестящего знания древнееврейского языка, является еще и прекрасным знатоком философии.

В январе 1810 г. Фесслер прибыл в Санкт-Петербург и пробыл в СПбДА всего пять месяцев, после чего был отстранен от преподавания. За это короткое время между Фесслером, архиепископом Феофилактом (Русановым) и будущим Филаретом Московским (Дроздовым), который в то время был инспектором СПбДА, произошли серьезные идейные столкновения. Фесслера заставляют выехать из Санкт-Петербурга в Поволжье, а вскоре и Феофилакт покидает город на Неве. Фесслер замещен был знающим и опытным профессором богословия Дерпского университета Горном, который пробыл в СПбДА еще четыре года и сумел поддержать в Академии то философское настроение, которое было посеяно Фесслером. Несмотря на опалу, Фесслер сумел приобщить к современной ему немецкой философии почти всех студентов I курса СПбДА.

Непосредственное влияние Фесслер имел на студентов КДА. Среди слушателей Фесслера были будущий первый ректор КДА М. Богданов-Платонов и архимандрит М. Леонтович, а также первый будущий профессор философии И. Скворцов. Он был магистром II курса СПбДА, а также учеником ближайшего последователя Фесслера – Горна. В 1817 г. они (М. Богданов-Платонов, М. Леонтович, И. Скворцов) прибыли в Киев для реорганизации Киево-Могилянской академии в Киевскую духовную академию. Таким образом, П. Авсенева был учеником Скворцова, на которого Фесслер, через Горна, имел непосредственное влияние.

Безусловно, мистические увлечения эпохи оказали большое влияние на мировоззрение П. Авсенева. Наряду с представителями немецкой классической философии, Авсенева увлекался творчеством таких шеллингианцев-мистиков, как К. Карус, М. Бурдах, Г. Шуберт. В частности, его курс психологии был составлен по аналогии с работой Г. Шуберта «История души¹⁵». Как известно, Шуберт принадлежал к мистической школе психологов XIX века, и все же его нельзя ставить в один ряд с Я. Беме. Немецкий ученый в своих философских исследованиях основывался, прежде всего, на естественные науки. Он основательно знал астрономию, физиологию, анатомию и т. п., а его психологическое, точнее антропологическое учение выходило далеко за рамки собственно психологии.

¹⁵ Schubert G. H. Die Geschichte der Seele. 2 Bände. Cotta, Stuttgart 1830, 2. Auflage, 1833.

Но вернемся к Авсенеу. С годами мыслитель охладел к изучению немецкого идеализма и в письме своему другу писал: «<...> Пятнадцать лет посвятил я изучению немецкой философии: потерял я зрение, перечитывая тексты немцев. Теперь, когда Господь привел меня к изучению Его Откровения, <...> вижу, что все, чем я восхищался в сфере философской мысли, все это давно было сказано в божественных писаниях пророков и апостолов, и воспроизведено в трудах Отцов <...>»¹⁶.

В начале 1850 г. здоровье Авсенева резко ухудшилось, и он вынужден был по собственному желанию уволиться с академической службы и направиться настоятелем посольской церкви в Риме, куда и прибыл летом 1851 г., но было уже слишком поздно. 31 марта 1852 г. Авсенеу скончался от чахотки и был похоронен на римском кладбище недалеко от ворот Св. Павла в той части кладбища, которая была предназначена для погребения лиц, которые не являлись католиками. Его могила (№165) находится рядом с могилой знаменитого русского художника Карла Брюллова (№166)»¹⁷.

Упомянувшийся ранее историк КДА И. Малышевский в своей «Исторической записке о состоянии Академии в минувшее пятидесятилетие» подчеркивал, что «<...> Феофан не издавал своих лекций. На все просьбы о том друзей он обыкновенно замечал: «Не приспело время». Он даже не любил, чтобы студенты записывали за ним в классе, говоря, что не все же следует класть на бумагу, что говорится здесь, и студент больше выиграет, если будет размышлять вместе с профессором, чем отрываться от него для записывания»¹⁸.

В. Зеньковский считал, что «<...> Авсенеу писал очень мало, а из его лекций кое-что (преимущественно по психологии) было напечатано в юбилейном сборнике Киевской духовной академии, который назывался «Сборник из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии» и в котором была опубликована большая часть «Записок по психологии архимандрита Феофана Авсенева». Полный же курс по психологии, прочитанный П. Авсеневым студентам X и XI курсов КДА, сегодня хранится в Институте рукописей НБУ имени В.И. Вернадского – Ф.301 (КДА), ед. хр. 349 Л (Муз.787).

¹⁶ Архим. Феофан Авсенеу в письмах своих к одесскому протоиерею С. А. Серафимову / Феофан архим. Авсенеу // Труды КДА. - 1905. - Кн. 11. - С. 370.

¹⁷ См.: Кудрявцев П. Авсенеу Петр Семенович / П. Кудрявцев // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф. V. – Ед.хр.5344. – Л. 2.

¹⁸ Малышевский И. Историческая записка о состоянии Академии в минувшее пятидесятилетие / И. Малышевский // Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии, 28 сентября 1869 года. К.: В типографии Киево-Печерской Лавры, 1869. – С. 108.

Данный курс имеет следующую структуру. Это вступление, в котором мыслитель дает определение предмету, методу и задачам психологии. Прежде всего, Авсенеv определяет психологию как науку, в которой исследуется природа души. «<...> Душа должна знать, что она есть и для чего сотворена. Чем глубже она познает это, тем более этим самым познанием питается, укрепляется и возрастает в жизнь вечную. <...> Грех есть не что иное, как самозабвение, заблуждение и обман души»¹⁹.

Авсенеv считал, что главным предметом философии является изучение души, так как в природе души скрыты законы истины, добра и красоты, а это означает, что на основе психологии основывается логика, этика и эстетика. При этом природа души содержит в себе ключ к пониманию главных вопросов о Боге и мире. Мыслитель считал, что душу познать до конца невозможно, что она является «<...> образом бесконечным. <...> В ней есть и непосредственное ощущение своего существа, но это духовное самочувствие души притувлено и оглушено ее погружением в плоть, от чего и в зеркале собственных действий и явлений она не узнает самое себя»²⁰.

Согласно Авсенеvu, духовное самоощущение вместе с утонченным христианским благочестием должно быть главным руководством в исследованиях и познании природы души. Профессор выделяет два источника познания души – опыт и умозрение. В свою очередь, опыт он рассматривает как внутренний и как внешний. Первый касается наблюдения над собственной душой, а внешний – наблюдения над душами других.

Одновременно мыслитель выделяет и два метода познания души: аналитический и синтетический. Первый представляет собой мыслительное восхождение от душевных явлений к понятийному уровню знаний о душе, а второй – процесс обратного перехода от абстрактных понятий о душе к ее феноменальным проявлениям. Но «вообще ни один из этих методов не приведет к познанию истинной природы души, если исследователь сам не будет морально совершенствоваться»²¹. Душу, считает Авсенеv, нужно исследовать с двух сторон: со стороны ее устройства и со стороны ее жизни. «И устройством, и своей жизнью душа представляет путь к Богу»²².

¹⁹ Психология, лекции П.С. Авсенева, проф. Киевской академии, читанные XI курсу 1-й половины XIX в. // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф.301 (КДА). – Ед. хр.349 Л.(Муз.787). – Л.1 об.

²⁰ Там же. – Л. 4.

²¹ Там же. – Л. 7.

²² Там же. – Л. 7.

Далее философ разделяет весь свой курс на две части: 1) устройство человеческого существа; 2) жизнь души человека. В свою очередь, первую часть он делит на три раздела, что соответствует ступенькам бытия человека: телесной, душевной и духовной. Первый раздел первой части посвящен учению о теле человека, поскольку тело является субстратом душевных сил человека, а значит и отражением его души. Мыслитель тщательно рассматривает все функции биологического организма человека: дыхание, пищеварение, чувства и т.д. Второй раздел посвящается анализу души как посреднику тела и души. Философ останавливается на изучении отличий между душой животного и человека, а также на анализе «слова, как выражения жизни души под впечатлением свободной ее воли»²³. Далее Авсенева останавливается на рассмотрении таких атрибутов души, как ее дыхание (симпатия); ее питание (сердечные ощущения); ее движения, (удовлетворение желаний); ее познание; ее голос (интуиция). Каждый из этих атрибутов в системе психологии П. Авсенева также имеет свою классификацию. В частности, т.н. питание души состоит из способности к чувственному удовлетворению, т.е. к инстинкту, а способность к эстетическому и идеальному удовлетворению состоит из способности человека к фантазии. В свою очередь, движения души, т.е. способность к желаниям, разделяется Авсеневым на способность к чувственным, душевным и идеальным желаниям. Способность же к познанию души, в свою очередь, также разделяется на самоощущение души, т. е. сознание; представления же души – это ее зрение и осязание, а память души – это ее слух и обоняние. Лишь после всего рассмотренного мыслитель переходит к изучению способности души к рассудочному и разумному познанию.

Приступая к рассмотрению третьего раздела первой части, т. е. к анализу духа, П. Авсенева подчеркивает, что «<...> дух есть высшая и глубочайшая часть человеческого существа, составляющая нас в непосредственное отношение к Богу. Все бесконечные стремления души лишь в духе находят свой конец и покой. Способности духа имеют двоякую природу: трансцендентную, которой он принимает в себя Божественное; и, имманентную, которой он препровождает его в душу и оплодотворяет ее»²⁴.

Учение о духе Авсенева выстраивает следующим образом: общее понятие о духе, дыхание духа, т.е. молитва; дух как исток души, т.е.

²³ Психология, лекции П.С. Авсенева, проф. Киевской академии, читанные XI курсу 1-й половины XIX в. // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф.301 (КДА – Ед. хр.349 Л. (Муз.787). – Л. 12.

²⁴ Там же. – Л.12.

любовь к Богу; дух как сила, которая движет душу, т.е. божественное начало свободы; дух как сила, которая освещает душу, т.е. созерцание Божественного; голос духа в душе человека, т.е. совесть и наконец-то – богоподобность духа.

В заключении Авсенева останавливается на вопросе о взаимовлиянии души и тела, души и духа. Философ приходит к выводу, что «человек устройством своего духовного существа являет собой ступеньку тех сил, которые поднимают его к Богу. <...> Человек и жизнью своею представляет собою путь к Богу»²⁵.

Во второй части своего курса, посвященного жизни души, и который собственно и составил основу его учения об «истории души», киевский философ вкладывает следующий смысл в это понятие: «<...> История души – это состояния и видоизменения, в которых душа с необходимостью пребывает в единстве с телом, вследствие чего любые изменения в душе рассматриваются в единстве с изменениями в теле»²⁶.

В связи с вышерассмотренным, возникает ряд вопросов. Во-первых, с рождением человека связан вопрос о происхождении его тела, души и духа. Во-вторых, человек взрослеет и при этом имеет определенный темперамент и одаренность, а также приобретает определенный характер. В-третьих, человек пребывает в состоянии сна или бодрости, человек болеет или здоров, что сопровождается определенными состояниями тела, души и духа. В-четвертых, человек умирает, что также соответствует определенному состоянию тела, души и духа в момент смерти. В-пятых, душа переходит в будущую бессмертную жизнь, а потому и ее жизнь являет собой путь к Богу.

Необходимо подчеркнуть, что П. Авсенева читал студентам КДА и Университета Св. Владимира настолько всеобъемлющий курс психологии, что в этот курс входили знания и естественных наук, и анатомии, и физиологии, и антропологии, и этнографии, и психиатрии, и даже статистики и лингвистики.

Свое умозрительное исследование природы души Авсенева начинает с изучения тела, т.е. с изучения дома души. «Организм, – пишет философ, – это пространственное и временное выражение мысли. <...> Таким образом, жизнь организма есть не что иное, как определенная мысль или понятие, осуществляющее себя в

²⁵ Психология, лекции П.С. Авсенева, проф. Киевской академии, читанные XI курсу 1-й половины XIX в. // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф.301 (КДА – Ед. хр.349 Л. (Муз.787). – Л. 14.

²⁶ Там же. – Л. 12.

чувственном мире посредством материи»²⁷. Все функции биологического организма имеют свою основу в природе души.

П. Авсенева сравнивает жизнь и дух, отыскивая их общие и отличные черты. «И духу, и жизни принадлежит единство, но единство жизни непосредственно слито с множественностью ее действий. Единство и множественность поглощаются в ней одно другим, и потому мы нигде не найдем в жизни того пункта или фокуса, из которого бы, как из ключа, пробивалась множественность жизненных отправлений, между тем как порознь все отправления явно содержат в себе единство; напротив, в духе есть этот самый идеальный центр разнообразных действий «я». Ему, по преимуществу, принадлежит единство, у него оно отдельно от множественности»²⁸.

В понимании сущности жизни у Авсенева можно отыскать много параллелей с Шеллингом. П. Авсенева считает, что жизнь – это единство противоположностей: сознательного и бессознательного, однообразия и многообразия, свободы и необходимости, разумности и неразумности. Жизнь является мыслью на такой ступеньке развития, где самосознание тлеет в сетях бессознательного, однообразии пытается вырваться из многообразия. Свобода пытается уничтожить оковы необходимости, разум пытается вырваться из сумерек бессознательного. В силу этого беспокойство, волнение, борьба составляют характерный для жизни характер, в то время как для духа характерным является спокойное созерцание.

Размышления мыслителя об устройстве человеческого существа поражают его красотой и совершенством человеческого тела, гармонией, которая пронизывает весь космос и которую П. Авсенева постоянно иллюстрирует примерами математических пропорций. «Продолжительность человеческой жизни составляет 70 лет. Это составляет $\frac{1}{365}$ или $\frac{1}{4}$ часть большого платонического года нашей планеты, заключающего в себе 25,920 лет. Если средним числом положить 18 вдохов в одну минуту, то число вдохов в один день будет составлять около 25, 920. И век человеческий заключает в себе 25, 920 дней. Большой день планетного года заключает в себе наших 70 лет, а одна минута – 70 ударов пульса»²⁹.

О чем бы Петр Семенович не размышлял, все его мысли были наполнены романтическими идеями антропоцентризма эпохи

²⁷ Психология, лекции П.С. Авсенева, проф. Киевской академии, читанные XI курсу 1-й половины XIX в. // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф.301 (КДА). – Ед. хр.349 Л.(Муз.787). – Л. 26-27.

²⁸ Там же. – Л. 30-31.

²⁹ Там же. – Л. 39.

Возрождения. «Гармония человеческого тела, – пишет он, – отражается в соответствии его устройства устройству Солнечной системы, которое показывает, что он есть первообраз и мерило Вселенной»³⁰. И далее, человек «является дивным союзом всех основных сил и форм видимой Вселенной. Он подобен многострунному инструменту, в котором дремлют все те звуки, которые раздаются в древней и вечной песни творения. И у великих представителей человечества, и у целых народов отзывается иногда чудный инструмент гармонии Вселенной, и соединенными звуками человека и природы возвышается тогда слава Божия»³¹.

В разделе «О душе» профессор детально анализирует общее понятие о душе и видоизменениях состояний человеческой души. Авсенева считала, что не тело осознает себя в душе, а наоборот – душа осознает себя в теле. Душа, по мнению Петра Семеновича, не несет в себе знаний о Боге и не имеет дара слова, она руководствуется на протяжении жизни человека лишь чувствами и образами. С одной стороны, человеческая душа не является материальной, а с другой – она имеет способность представлять, желать и верить, руководствуясь при этом произволом, а не свободой. Таким образом, человеческая душа находит опору для своей деятельности в теле, но остается при этом несвободной в своих действиях. Душа всегда остается подавленной телом, она лишь невыразимой и неопределенной мыслью предчувствует свою бесконечность.

Далее киевский философ рассматривает природу людской души в ее отличии от духа, т.е. низшей ступени внутренней жизни человека от ее высшей ступени. Мыслитель считает, что душа лишь в единстве с телом представляет собой душу животного. А вот единство души с духом, как началом деятельным и тождественным самому себе, приводит душу к свободе и самосознанию. Что же касается духа, то он «озаряет ее познанием бесконечного в идеях истины, добра и красоты, и таким образом обращает ее деятельность от чувственного к духовному, от вещественного к божественному и открывает бесконечное поприще самоусовершенствования»³².

Переходя к рассмотрению сил и способностей людской души, профессор начинает свой анализ с такого атрибута души, как ее дыхание. Под дыханием он понимает такое психологическое

³⁰ Психология, лекции П.С. Авсенева, проф. Киевской академии, читанные XI курсу 1-й половины XIX в. // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф.301 (КДА). – Ед. хр.349 Л.(Муз.787). – Л. 87.

³¹ Там же – Л. 93.

³² Там же. – Л. 103.

состояние людской души, как симпатия, т.е. «такое соответствие в душевном расположении между двумя однородными одушевленными тварями, по которой в одной из них происходят именно те чувства и движения души, которые являются необходимыми для другой. Таким образом, души тянутся друг к другу в осуществлении своего предназначения»³³. Авсенеv считал, что во всей природе господствует симпатия. «Все твари имеют нужду одна в другой, как будто члены одного великого организма. <...> Планеты и Солнце тяготеют друг к другу, потому что Солнце без планет светить и греть не может, а они без него не могут существовать и содержать живых тварей»³⁴.

В чем же причина существования симпатии в природе? Философ считает, что причина взаимного тяготения друг к другу находится не в них, а вне их, т.е., в душе природы. Это Божественная воля, которая пребывает в душеобразной силе, будучи посредницей между органической и неорганической природой и которая содержит в себе коренную причину всех явлений.

Всю совокупность душевных чувств П. Авсенеv разделяет на три сферы: теоретическую, практическую и эстетическую. Центром душевных чувств является сердце. К теоретическим чувствам философ относит те, которые существуют «здесь и теперь». Практические же чувства производны от желаний человека. А эстетические – связаны с тем, что существует «здесь и теперь», а душа требует их иметь всегда. Авсенеv следующим образом классифицирует теоретические чувства: совершенные убеждения, достоверные убеждения, вера, мнение, сомнение, удивление. Сущность совершенных убеждений заключается в том, «что в них отражается действительность не только такой, какой мы ее ощущаем, но и такой, которая отвечает нашим понятиям о ней»³⁵. Мнение отличается от веры тем, что в ней человек признает за истину что-нибудь согласно своим случайным и субъективным началам. Достоверности Авсенеv противопоставляет сомнение, а необходимости – удивление, сомнение же возникает тогда, когда доказательства не имеют очевидной силы.

П. Авсенеv разделяет практические душевные чувства на три вида: эгоизм, сочувствие и комбинированные чувства. Практическими эти чувства являются потому, что они являются истоком всех желаний

³³ Психология, лекции П.С. Авсенева, проф. Киевской академии, читанные XI курсу 1-й половины XIX в. // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф.301(КДА). – Ед. хр.349 Л.(Муз.787). – Л. 93.

³⁴ Там же. – Л. 106.

³⁵ Там же. – Л. 106.

³⁶ Там же. – Л. 126.

человека. Профессор дает следующее определение эгоистическому чувству – «это побуждение души удержать за собой свойственный себе круг физической и нравственной деятельности, и даже, по возможности, расширить его»³⁶. Удовольствие в настоящем времени выступает как наслаждение. Это чувство выражает гармонию человека с миром, а противоположное чувство – чувство сожаления – выражает дисгармонию человека с этим же миром. Радость – это чувство удовлетворенности к прошлым событиям, а тоска – это чувство неудовлетворенности к прошлым событиям. В этом же контексте мыслитель определяет и надежду, как чувство удовлетворенности по отношению к будущему, а страх – неудовлетворенности к будущему.

Философ считал, что сочувствие возникает из потребности души любить что-либо вне себя. Вначале это чувство проявляется в виде скуки и томления, как скрытое желание заполнить себя другими. Ощущение этой потребности раскрывается в двух противоположностях: симпатии и антипатии. Но кроме любви к себе и другим, душа также любит себя в других и других в себе. Отсюда происходят смешанные чувства, которые объединяют в себе и эгоизм, и альтруизм.

Эстетическое же чувство прекрасного является сочетанием обособленных и чувственно-приятных черт в единую форму с целью выражения определенной душевной мысли. Главным условием прекрасного является равновесие между мыслью и формой, именно поэтому из всего перечня душевных чувств душа может выражать себя лишь с помощью зрения и слуха.

Интересные мысли мы находим в рукописях мыслителя относительно прекрасного в музыке: «Прекрасное в музыке состоит в соответственном выражении чувствующей души последовательными звуками. Две существенные принадлежности музыки – гармония и такт – выражают собою две стороны сердца: образ, как сочетаются между собою различные чувствования в одном состоянии души, и ритм, с каким чувствования изменяются по времени. Гармония, движущаяся по тактам, составляет мелодию»³⁷.

Но наивысшим видом ощущений Авсенеv считал духовные ощущения. Это и понятно, поскольку от способности ощущать мирское необходимо отличать способность ощущать небесное. Первое – душа человека ощущает как существо видимого мира, второе – как существо невидимого мира. Профессор также останавливается на

³⁶ Психология, лекции П.С. Авсенева, проф. Киевской академии, читанные XI курсу 1-й половины XIX в. // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф.301(КДА). – Ед. хр.349 Л.(Муз.787). – Л. 128.

³⁷ Там же. – Л. 133.

анализе внутренних и внешних ощущений, считая, что внутренние ощущения являются способностью представлять вещи такими, какими они нам являются. Он убежден, что количество внешних и внутренних ощущений полностью совпадают. Если на уровне ощущений воспроизводятся отдельные впечатления внешнего мира, то на уровне представлений воспроизводится целостный образ предметов внешнего мира. Представления философ рассматривает как внутреннее око души, поскольку образы представлений составляют предмет мысленного созерцания. Представления невозможны без наличия памяти, т.е. без такой «способности принимать, сохранять и воспроизводить в душе все внутренние представления и образы предметов, которые кем-либо и когда-либо касались нашего самосознания»³⁸. По мнению Авсенева, наивысшая роль в становлении духа принадлежит памяти слов, поскольку именно данная память развивает твердый рассудок души и является наиболее важным орудием самого духа.

Как видим мы из вышеизложенного, психология П. Авсенева тесно переплетается с гносеологической и логической проблематикой. «Рассудок, – пишет профессор в своих лекциях, – является такой же способностью души мыслить предметы, как зрение – видеть предметы. Мыслить – означает замечать свойства предметов»³⁹.

П. Авсенев различает три акта мыслительной деятельности – понимание, рассуждение и размышление. Философ указывает на общие и отличительные черты представления и понятия, а также дает характеристику таким логическим приемам формирования понятий, как анализ и синтез. Он также останавливается на различии между пониманием и понятием, указывая, что понятие является абстрактным представлением общего в конкретных предметах, которое может и не отвечать четкому и ясному понятию о предметах. «Мы очень часто оперируем к понятиям, значение которых не понимаем до тех пор, пока не столкнутся в людской душе предмет с понятием, к которому он относится. Подобно тому, как возникает молния при столкновении двух туч, так блестит яркий свет при столкновении предмета с понятием, при этом оживает понятие и озаряется предмет»⁴⁰.

Переходя к рассмотрению такой формы мышления как суждение, Авсенев подчеркивает, что суждение, так же как и понимание,

³⁸ Психология, лекции П.С. Авсенева, проф. Киевской академии, читанные XI курсу 1-й половины XIX в. // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф.301(КДА). – Ед. хр.349 Л. (Муз.787). – Л. 198.

³⁹ Там же – Л. 203.

⁴⁰ Там же. – Л. 206.

является осознанием предмета с помощью понятия, но в суждении отдельно представлены предмет и понятие, другими словами – суждение является развернутым пониманием.

Рассудительность и умеренность, считает философ, являются способностью рассудка быстро и верно выстраивать суждения, являются результатом тренировок с логическими упражнениями, а понятливость – это природный дар. Круг деятельности рассудка составляют внутренний и внешний чувственный миры, и этот круг значительно шире, чем круг деятельности разума, куда «входят только психические веяния Божественного, которые остаются абсолютно незаметными и скрытыми от людей, которые полностью погружены в чувственность. <...> Разум есть способность внемлить в чувственном мире Божественное Откровение. Божественное сообщает нам о себе в некоторых непонятных возбуждениях сердца, которые, вероятно, являются следствием соприкосновения нашей души с Божественным духом»⁴¹. Эти размышления Авсенева аналогичны мыслям П. Юркевича, академического ученика Петра Семеновича, которые нашли свое полное развитие в его «Философии сердца». «Возбуждение сердца при соприкосновении с Божественным является идеей вообще, а представления Божественного, как источника любого бытия, является идеей безусловной истины»⁴². Авсенев считал, что идея безусловной истины проявляется в сознании, фантазии и рассудке.

Наше сознание всегда возлагает наличие «я» как самосознание души, а «не-я» – как осознание внешнего мира и высшего начала над «я» и «не-я», т. е. Бога. «Вот почему, – приходит к выводу Петр Семенович, – идея безусловной истины отражается триединством в сознании: как идея души, как идея Вселенной и как идея Бога. Идея Вселенной есть разумное созерцание единого гармонического целого вне нас. <...> Идея души есть созерцание в нашем внутреннем мире самостоятельного и самодостаточного бытия, независимо от всего временного. <...> Идея же Бога есть разумное созерцание самосущей истины в противоположность всему созданному и второстепенному»⁴³.

Из выше рассмотренного становится очевидной заинтересованность П. Авсенева изучением мистической литературы, областью иррационального, бессознательного, болезненного сознания или так называемой «ночной стороны души». Мыслителю

⁴¹ Психология, лекции П.С. Авсенева, проф. Киевской академии, читанные XI курсу 1-й половины XIX в. // Институт рукописи НБУ имени В.И. Вернадского. – Ф.301(КДА). – Ед. хр.349 Л.(Муз.787). – Л. 213-214.

⁴² Там же. – Л. 215.

⁴³ Там же. – Л. 217.

современники нередко приписывали интерес к мистицизму, но вряд ли это можно считать правильным, поскольку вместе с некоторой туманностью и религиозным пафосом, у Авсенева преобладало изложение собственных мыслей в четкой и ясной форме. «В наше время мы уже хорошо знаем, что подобного рода психологические экскурсии, сбивающие с толку недоучек, проливают иногда мягкий и теплый свет для людей подлинно религиозного вдохновения на их собственное сознание, а для науки могут служить источником поразительных открытий и разоблачений тайн человеческой души»⁴⁴.

Современный исследователь Киевской религиозно-философской школы А. Ригин подчеркивал, что «в первой половине XIX века отечественная психологическая наука еще не существовала как отдельная дисциплина. <...> Существовало единство философии и психологии с религией, а с 60-х годов, т. е., со времени известной полемики П.Д. Юркевича и Н.Г. Чернышевского, это единство распалось. Академические философия и психология пошли своим путем, связанным с Киевским университетом, а религиозная мысль продолжала развиваться в стенах Киевской духовной академии»⁴⁵. Более того, А. Ригин рассматривает этот синергизм психологии с религиозной философией как отличительную черту, которая была присуща только киевским философам-академистам. Этот синергизм очень четко прослеживается в лекциях по психологии П. Авсенева.

Следует также вспомнить и о том, что П. Авсеневу принадлежит одна из первых попыток охарактеризовать не только ментальность русского национального характера, но и дать характеристику специфики русской философии. «В философском отношении, – писал Авсенев, – мы, русские, не отличаемся ничем самостоятельно оригинальным, но можно заметить, что абстрактные диалектические умозрения, подобные немецким, вряд ли приживутся на основе нашего духа. Но, с другой стороны, у нас вряд ли получит развитие и чисто эмпирическая философия, подобно английской. Можно предположить, что философия у нас будет иметь характер преимущественно религиозный, так как религия глубоко укоренилась в нашем духе и вошла в самое его существо»⁴⁶.

⁴⁴ Шпет Г. Очерк развития русской философии / Г. Шпет // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 414.

⁴⁵ Ригин А. Киевская религиозно-философская школа и русская парадигма / А. Ригин // Журнал практикующего психолога. – 2000. – Вып. 6. – С. 45.

⁴⁶ Авсенев П.С. Из записок по психологии / П.С. Авсенев // Сборник из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии. – К.: Типография Киевского губернского управления, 1869. – С. 110.

Д. Чижевский в своих «Очерках...» приводит интересный факт личных связей Авсенева с кирилло-мефодиевцами. Вот что он пишет: «Наибольшую роль в пробуждении романтически-христианских настроений сыграл профессор Киевской академии и некоторое время Университета – Авсенев, его, вероятно, знал Кулиш, слушал Белозерский и в личных связях с которым пребывали брагчики, занимая у него книги, читая его записки по психологии (когда он уже не преподавал в университете), посещая его лично (например, Гулак, О. Маркович). Белозерский все время передает привет с Полтавы «отцу» (Авсенев в это время принял монашество с именем Феофан), просит вернуть ему книги, спрашивает О. Марковича – «не видится ли он с отцом? Боже! Когда я услышу его», читает «Воскресное Чтение» – орган, в котором Авсенев размещал психологические статьи в ярко романтическом духе – «некоторыми вещами был чрезмерно тронут». Когда интерес к украинскому прошлому, украинскому языку возобновлялся и поддерживался романтически хорошей литературой, когда линия романтического национализма ведет к Максимовичу, то христиански-мистические настроения ведут нас к Авсеневу или к западным писателям того же типа (Новалис, Шуберт, Бурдах)»⁴⁷.

Таким образом, приведенный выше факт свидетельствует о том, насколько сложным является сегодня вопрос об аутентичном прочтении научных трудов того или иного мыслителя прошлого.

Н. Мозговая.

⁴⁷ Чижевський Д. Нариси з історії філософії на Україні / Д. Чижевський. – К.: Вид-во «Орій» при УКСП «Кобза», 1992. – С. 142-143.